

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации М.В. Дуровой
«МОДЕЛИ БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ
ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ
(в сопоставлении с языками народов Сибири)»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности 10.02.20
«Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание»

Рецензируемая работа – фундаментальное исследование простых предложений японского языка с бытийной и локативной семантикой. Данная тема в высшей степени интересна и в теоретическом, и в типологическом плане. К ней обращались такие известные ученые как Е.В. Падучева, Л. Бэбби, Б. Парти, Э. Кинен, Дж. Лаков и др. Семантическая и синтаксическая структура этих предложений не является стандартной: это касается как бытийного глагола и его аргументов, так порядка слов и коммуникативной организации предложения. Подобные предложения не получили достаточного освещения в российской японистике и алтаистике. Недавно опубликованных англоязычных работ по этой тематике также сравнительно мало, и они выполнены в основном в традиции формальной семантики или генеративного синтаксиса (К. Muromatsu, S. Tomioka, T. Tsujioka и др.).

В работе используется инструментарий структурно-семантического моделирования, разработанный Новосибирской лингвистической школой во главе с М.И. Черемисиной, используются концепции М.Ю. Шведовой, В.А. Белошапковой, М.В. Всеволодовой и других теоретиков. В рамках этого подхода возможно подробное и детальное описание того или иного типа конструкций с учетом их морфосинтаксических и семантических особенностей и вариантов. М.В. Дурова также привлекает существующие описания бытийно-локативных предложений алтайских языков Сибири и проводит последовательное сравнение разных типов этих предложений с соответствующими японскими. В рассматриваемый материал включены

предложения с глаголами движения, что расширяет множество описываемых конструкций и выводит на первый план локативный компонент, который широко представлен во всех типах изучаемых моделей. Тем не менее, другие компоненты моделей, и в первую очередь глагол (бытийный, глагол перемещения и т.д.) описываются также достаточно подробно.

Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и трех приложений. В Главе 1 дается подробный обзор теоретических понятий, исходя из которых строится структурно-семантическая модель: предикат, актант, сирконстант, пропозиция, парадигма предложения, элементарное простое предложение, его структура и варьирование этой структуры. Также освещается категория пространственности и способы выражения пространственных значений; особенности категорий, связанных с пространственными отношениями, в японском языке.

В Главе 2 (с. 51–173) представлен японский материал по структурным моделям бытийных и локативных предложений и их разновидностям, таким как модели обладания или модели отсутствия чего-л., а также материал по моделям движения самых разных типов (динамические модели). Как локативные модели, так и модели движения подразделяются на простые и каузативные (модели помещения куда-л. некого объекта, или модели перемещения объекта). Каждая модель и ее разновидности иллюстрируются примерами. Перечисляются глаголы, лежащие в основе разных моделей, типы объектов, которые возможны в той или иной модели. Подробно охарактеризованы локализаторы, их конкретная пространственная функция и морфосинтаксическое оформление. Последовательно проводится сравнение каждой модели с соответствующими моделями нескольких алтайских и уральских языков Сибири.

В Приложениях даются список условных обозначений, в том числе тех, которые используются при записи структурных моделей, система бытийно-пространственных моделей ЭПП японского языка в виде таблицы и перечень

глагольных предикатов, участвующих в образовании бытийно-пространственных моделей японского языка.

С моей точки зрения, наиболее значительные результаты работы следующие:

1. Проведено обстоятельное исследование бытийных и локативных структурно-семантических моделей японского языка, выявлены морфосинтаксические особенности и варианты этих моделей. Проводится сравнение данных двух моделей по параметрам порядка слов, коммуникативной организации предложения, денотативного статуса субъекта.

2. Выделены варианты данных моделей как с точки зрения плана выражения, так и плана содержания.

3. Исследованы структурно-семантические модели для глаголов движения и, в частности, перемещения объекта. Детально исследованы ситуации перемещения различного типа (движение к ориентиру, от ориентира и т.д.), сопоставлены структурные типы для этих моделей и разные способы выражения локализатора. Дано практически исчерпывающее описание типов локативных групп, которые встречаются в данных моделях.

4. Подробно исследованы глаголы, употребляющиеся в тех или иных структурно-семантических моделях, и показана основополагающая роль глагола в структурно-семантической модели.

5. М.В. Дурова выделяет те грамматические особенности японского языка, связанные с бытийно-локативными конструкциями, которые отличают его от тувинского, шорского, ненецкого, алтайского, эвенкийского - уральских и алтайских языков Сибири, с которыми проводится сравнение. В частности, в японском языке отмечаются отличия падежного маркирования локализатора от соответствующих языков Сибири и маргинальный статус эксплицитно выраженной категории ориентации.

М.В. Дурова использует солидный список источников, ее результаты выглядят обоснованно. М.В. Дурова излагает теоретические положения и материал достаточно ясно, в каждом разделе приводятся выводы, что облегчает чтение работы.

В целом работа очень плотная. В главе 1 дается очень подробный обзор теоретических понятий и отдельно представлены концепции почти каждого из упомянутых авторов, и также излагается понимание разными авторами одного и того же термина, например, «пропозиция». В главе 2 разбирается около 20 структурных схем, они все иллюстрируются примерами, обсуждаются семантические варианты схем и парадигматические отношения между ними. Если использовать цитату из статьи Н.Ч. Сэрээдар. «Структурно-семантические модели бытийных предложений в тюркских языках Южной Сибири» (жур. Мир науки, культуры, образования, № 1 (44). С. 220-222) – «Чтобы охарактеризовать эти объекты [компоненты структурной схемы], нужно показать, во-первых, что представляют собой те объекты, о локализации которых в предложении сообщается, во-вторых, каковы бывают те пространства, в которых они локализуются, в третьих, что представляют собой предикаты этих предложений, какими словами и выражениями описывается наличие и отсутствие и дается количественная характеристика наличных объектов, и в четвертых – как выражаются грамматические значения в этих моделях: лицо, наклонение-время, отрицание, модальность, экспрессия» – несомненно, можно считать задачу, поставленную М.В. Дуровой, выполненной.

Остановлюсь теперь на тех моментах, которые вызывают вопросы и возражения.

В Главе 1 на стр. 34-37 приводится перечень обязательных актантов в конструкциях, описывающих пространственные отношения. М.В. Дурова использует терминологию М.В. Всеволодовой и В.В. Шиловой, на теоретические положения которых диссертант ориентируется. Было бы лучше привести по крайней мере в добавление к этой терминологии

соответствующие названия семантических ролей по Ч. Филлмору, чтобы читателя, не знакомого близко с работами М.В. Всеволодовой и В.В. Шиловой, не ставили в тупик такие специальные термины, как «объект-каузатив» (по Филлмору, «пациенс») или «преодолеваемый объект» (вместо этого термина далее, начиная со стр. 64, используется общепринятый термин «транслокатив»).

Хотя М.В. Дурова (с. 38) признает локализатор облигаторным компонентом пространственной модели, и локализатор присутствует во всех приводимых примерах, как кажется, локализатор все же факультативен для некоторых глаголов, обозначающих существование, движение или перемещение – например, «жить», «упасть», «положить». М.В. Дурова отмечает, что имя обладателя в структурной модели обладания можно опустить (с. 120-121), однако эксплицитного решения для этой проблемы не предлагается. В то же время Н.Ч. Сэрээдар в указанной работе отмечает, что объекты структурной схемы могут выражаться синтаксическим нулем – как кажется, понятие синтаксического нуля вписывается в любую формальную модель. Более активное использование этого понятия могло бы сделать возможным анализ тех случаев, когда в японском предложении отсутствует синтаксически выраженный субъект, не только на с. 102, пример (93), но и на с. 79 в примере (31). В (31) как ЭПП должно рассматриваться не все сложное предложение, а только определительное придаточное, которое имеет нулевое подлежащее, стоящее перед глагольным комплексом «*ta=tte i=ru*» и кореферентное «*ko:sha-wa*».

Еще один вопрос возникает в отношении падежного маркирования субъекта в бытийных и локативных предложениях. Утверждение М.В. Дуровой о том, что субъект в бытийных предложениях относится к реме, а в локативных – к теме, несомненно, правильно. Однако, как кажется, неправильно в соответствующих пунктах глоссировать показатель номинатива *-ga* как NOM_R , а показатель топики *-wa* как NOM_T – тем более, что в последующих разделах *-wa* глоссируется не только как NOM_T , но и как

ТОР. Распределение *-wa* и *-ga*, без сомнения, связано и с грамматической, и с коммуникативной структурой предложения; так называемый «невынесенный» топик, как известно, обладает некоторыми, хотя и не всеми, свойствами номинативного подлежащего (см. *Schütze, C. On Korean 'case stacking': the varied functions of the particles ka and lul // The Linguistic Review. 2001. Vol. 18, Issue 3. P. 193–232; Yoon, J.H.–S. The distribution of subject properties in multiple subject construction // Proceeding of the 16th Annual Japanese-Korean linguistics conference, 2006, Kyoto, Japan / ed by. Y. Takubo, T. Kinuhata, Sz. Grzelak, K. Nagai. Stanford: CSLI Publications, 2009. P. 64–83.* – Режим доступа: <http://faculty.las.illinois.edu/jyoon/Papers/jk16-proceeding.pdf> ; *Рудницкая, Е.Л. Спорные вопросы корейской грамматики: теоретические проблемы и методы их решения. М.: Восточная литература, 2010, стр. 70-98* – на материале корейского языка). Эта сложная проблема, однако, не должна решаться просто через глоссирование, тем более непоследовательное.

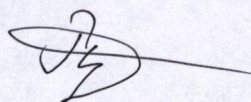
В работе есть некоторые неаккуратные формулировки и недостаточно продуманные моменты изложения. Например, на с. 47 без примеров непонятна классификация способов размещения по С. Левинсону. На с. 61 не объясняется термин «типы ориентации», так что читателю трудно уяснить важное отличие японского языка от тех языков Сибири, с которыми он сравнивается. В начале п. 1.3 было бы хорошо дать таблицу японских падежных показателей. Процитированный шорский материал в нескольких пунктах в Главе 2 представлен недостаточно развернуто.

Высказанные критические замечания носят частный характер и не могут отменить общую оценку работы. Диссертационная работа выполнена на высоком теоретическом и эмпирическом уровне и заслуживает самой высокой оценки.

Диссертация М.В. Дуровой «Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке (в сопоставлении с языками народов Сибири)» соответствует всем критериям «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК Российской Федерации и является

научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для филологии. М.В. Дурова заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание". Автореферат и публикации автора полностью отражают основное содержание работы.

Старший научный сотрудник Отдела языков народов
Азии и Африки ФГБУН ИВ РАН,
доктор. филол. наук

Е.Л. Рудницкая

11.05.2016

Рудницкая Елена Леонидовна
ФГБУН Институт востоковедения РАН

erudnitskaya@gmail.com

107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

info@ivran.ru, тел. (495)-621-18-84

<http://www.ivran.ru/>